

чительно позже — в конце XIII — XIV в. Взыскательное, высококультурное сообщество интеллектуалов сложилось здесь позднее, чем в Никее, позже была восстановлена система низшего, среднего и высшего образования, период собирания сил и восстановления культурных традиций растянулся здесь на гораздо более длительное время.

Отчетливо проявилась при этом тенденция к архаизации. Так, например, стиль архитектурных памятников Трапезунда свидетельствует, с одной стороны, о преемственности с зодчеством комниновского времени и о развитии некоторых новых элементов, уже тогда ясно различимых (богатый внешний декор здания и пышный интерьер), а с другой стороны — в архитектуру Трапезунда исподволь внедрялись архаичные, не свойственные другим византийским регионам черты. И тем не менее ранние архитектурные памятники Трапезундской империи позволяют заключить, что они были созданы, скорее всего, представителями константинопольской школы. Что касается монументальной живописи, иконописи и книжной миниатюры Трапезунда, то тенденции оставались здесь такими же, как и в Никее: палеологовская живопись генетически восходит в той же мере к никейской, в какой и к трапезундской первой половины XIII в. Как полагают, и в этой сфере в Трапезунде трудились на первых порах также представители константинопольской художественной школы. Однако менее связанные в новых условиях со столичным каноном, эти же художники смело использовали в своем творчестве элементы местной (и вообще восточной) традиции (в том числе грузинской, армянской, сирийской) и воспроизводили сплошь и рядом при изображении ликов людей трапезундский этнический тип. Существенная часть персидских и арабских естественнонаучных знаний проникла в этот период (XIII—XV вв.) в греческий ученый мир через давние и устойчивые связи трапезундской науки с Востоком. Слава трапезундских мудрецов благодаря венецианцам и генуэзцам, имевшим в Трапезунде свои фактории, достигала берегов Атлантики.

Длительное самостоятельное существование Трапезундской империи, ее положение «перекрестка культурных течений», идущих со всех концов {589} света, ее оживленные связи с Грузией и с соседними расположенными к юго-востоку и югу мусульманскими странами, непрерывающееся тесное взаимодействие с культурными кругами Константинополя — все это обусловило появление в культурном облике этого региона таких особенностей, которые позволяют определять трапезундскую культуру лишь как специфическую ветвь византийской. Нарочито архаичный стиль получил здесь даже политическую окраску: он насаждался официально в зодчестве, живописи, дворцовом церемониале, быте и нравах аристократии как важное свидетельство заботы о свято сохраняемой комниновской традиции (от Комнинов трапезундская династия вела свой род), служащей делу упрочения престижа империи на международной арене. В Трапезунде получил права гражданства в литературе местный понтийский диалект, который стал широко использоваться даже в официальном делопроизводстве.

Существенно меньше известно о культурной жизни Эпирского царства. Причины этого не только в том, что крайне ограничен относящийся к этому региону материал источников, что крайне плохо сохранились (как правило, разрушенные или подвергшиеся полной перестройке) материальные памятники Эпира XIII—XV вв., но и в том, что уровень развития культуры здесь был в указанную эпоху, несомненно, более низким, чем в Никее и Трапезунде. До превращения в независимое государство Эпир был византийским захолустьем, отрезанным от крупных культурных центров не столько расстоянием, сколько труднопроходимой горной местностью. Горы защищали Эпирское царство, но они же содействовали его культурной изоляции.

Наиболее скудной сравнительно с Никеей и Трапезундом была в Эпире и иммиграция византийской культурной элиты. Но она все же имела место и, безусловно, способствовала оживлению культурной жизни в Эпирском царстве в первой четверти XIII в. Мало того, есть основания полагать, что именно в этот, и только в этот, начальный период были созданы наиболее значительные памятники культуры Эпира, которые в таком случае с большими основаниями следует считать общевизантийскими, чем местными, собственно эпирскими.

Так, например, все три значительных писателя-правоведа Эпирского царства (Иоанн Апокавк, Георгий Вардан и Димитрий Хоматиан) не были уроженцами Эпира: Апокавк и Хоматиан были, в сущности, константинопольцами, Вардан происходил из Афин. О Хоматиане, архиепископе охридском (болгарском), как деятеле культуры Эпирского царства можно говорить вообще весьма условно: Охрид, резиденция Болгарской архиепископии, принадлежал Эпиру едва треть столетия и населен он был по преимуществу не греками и албанцами, а болгарскими. Все трое были высшими духовными персонами, участвовали в острой политической борьбе того времени, но в отличие от многих других деятелей культуры тесно соприкасались с